
Арина Вольская
Мама!
Не мешай папе
быть счастливым

Арина Вольская

Мама! Не мешай папе быть счастливым

«Литнет»
2026

Вольская А.

Мама! Не мешай папе быть счастливым / А. Вольская — «Литнет», 2026

— Мама, не мешай папе быть счастливым! — заявила мне родная дочь, когда муж объявил, что уходит к любовнице, а его больная мать остаётся на моём попечении.Тридцать лет я была хорошей женой. Растила детей, заботилась о доме, отказалась от любимой работы, чтобы ухаживать за свекровью.А теперь мой муж Сергей встретил Жанну. Молодую, красивую, свободную от домашних хлопот.— Оля, мама останется с тобой. Жанна работает, у неё своя жизнь! Не могу же я навязать ей уход за пожилым человеком!А у меня, значит, своей жизни нет?!Но больнее всего оказалось предательство детей. Они уже приняли любовницу отца, защищают его новую любовь и требуют, чтобы я перестала устраивать истерики.Папа заслужил счастье. А мама должна потерпеть.Вот только однажды я действительно перестану мешать мужу быть счастливым. Заберу из его жизни себя, свою заботу и всё, что он привык получать даром.И когда его прекрасная новая жизнь начнёт рушиться, Сергей придёт ко мне с предложением, от которого я когда-то разрыдалась бы от счастья.Но теперь плакать придётся ему...

© Вольская А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Мама, не мешай папе быть счастливым 5
Глава 2. Ты ведь всё равно дома 17
Глава 3. Он же нас не бросил 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Глава 1. Мама, не мешай папе быть счастливым

Сергей сообщил о приезде детей за завтраком, когда Ольга уже собиралась убрать со стола и вернуться к недошитому жакету. Муж сидел напротив, просматривал что-то в телефоне и почти не притронулся к приготовленной каше, хотя ещё вчера сам попросил сварить именно её. Последнее время он вообще стал разборчивее в еде: то жаловался, что суп слишком густой, то отказывался от ужина, объясняя, что перекусил на работе. Ольга привыкла к этим переменам и уже не пыталась каждый раз выяснять причину. В свои пятьдесят один год она прекрасно знала, что мужа лучше не расспрашивать по утрам, особенно когда он собирался на работу. Обычно Сергей просыпался не в самом приятном расположении духа и оживлялся только после второй чашки кофе, поэтому его неожиданное желание поговорить немного удивило её.

— Сегодня вечером Даша с Никитой приедут, — сказал он, не отрывая взгляда от экрана. — Часам к семи. Приготовь что-нибудь нормальное на ужин, посидим все вместе.

— Оба? — обрадовалась Ольга и поставила пустую тарелку в раковину. — А что за праздник такой? Дашка на прошлой неделе говорила, что у них с Игорем выходные заняты, а Никита вообще неизвестно где пропадает. Ты сам их позвал?

— Я позвал, — подтвердил Сергей, наконец убирая телефон. — Нужно кое-что обсудить. Давно собирались всей семьёй поговорить, вот и нашлось время.

— Что обсудить? — Ольга повернулась к нему, вытирая руки кухонным полотенцем. — У кого-то неприятности? С Дашей что-нибудь случилось? Она мне вчера писала, вроде всё нормально было.

— Господи, Оля, нельзя просто встретиться и поговорить? — раздражённо спросил муж. — Обязательно сразу придумывать неприятности? Я попросил приготовить ужин, а ты уже целую историю сочинила.

Ольга замолчала, хотя резкость показалась ей совершенно необъяснимой. Сергей сам произнёс слова о семейном разговоре, а теперь сердился, что она заинтересовалась его причиной. Она решила не спорить и спросила только, будет ли Игорь, но муж ответил, что зять сегодня занят, после чего поднялся из-за стола. Уже в прихожей он задержался перед зеркалом, поправил воротник рубашки, достал из кармана маленький флакон с одеколоном и побрызгал на шею. Ольга вспомнила, что раньше он пользовался им исключительно по праздникам, и хотела пошутить насчёт новой должности, но Сергей уже открыл входную дверь. На прощание он коротко велел ничего не начинать без него и ушёл, даже не поцеловав жену в щёку.

Несколько минут Ольга стояла посреди кухни, прислушиваясь к тому, как затихают шаги на лестнице. Потом вздохнула, убрала оставшуюся кашу в холодильник и вернулась к работе. Заказчица ждала жакет к пятнице, а сегодня был уже вторник, и Ольга собиралась закончить хотя бы подкладку, пока никто не отвлекал. Швейная машинка стояла у окна в большой комнате, там же размещались раскройный стол, несколько коробок с фурнитурой и старый шкаф, который Сергей давно грозился выбросить. Когда-то всё это находилось в её собственном ателье, где работали ещё две женщины и почти каждый день приходили заказчицы. Теперь Ольга шила дома, выбирая небольшие заказы, которые можно было прервать в любую минуту, если Валентине Павловне требовалась помощь. Иногда ей казалось, что она успевает за день гораздо меньше, чем прежде за несколько часов, но жаловаться на это было некому.

Свекровь позвала её примерно через двадцать минут, когда Ольга только начала прикалывать подкладку. Валентине Павловне требовалось достать с верхней полки шкафа кофту, хотя несколько других лежали совсем рядом. Она сидела на краю кровати в своей комнате, недовольно разглядывала домашние тапочки и уверяла, что вечером обязательно похолодает. После перенесённой четыре года назад тяжёлой болезни свекровь долго восстанавливалась,

первое время почти не вставала самостоятельно и нуждалась в постоянном присутствии кого-нибудь из близких. Тогда Сергей попросил Ольгу временно закрыть ателье, пообещав, что через несколько месяцев они найдут постоянную помощницу или другое решение. Состояние Валентины Павловны постепенно улучшилось: теперь она могла ходить по квартире, сама одеваться, разогревать простую еду и некоторое время оставаться одна. Однако привычка звать невестку по любому поводу сохранилась, и Ольга давно перестала удивляться, когда ради забытой кофты приходилось бросать почти законченную работу.

— Даша с Никитой сегодня приедут, — сообщила она, протягивая свекрови выбранную кофту. — Сергей утром сказал. Будем все вместе ужинать, а потом они к тебе заглянут.

— Давно пора, — отозвалась Валентина Павловна, натягивая рукава. — Никита в прошлый раз на пять минут забежал, даже толком не поговорили. Ты ему скажи, пусть мне новый телефон настроит, а то этот опять что-то показывает, когда звонят. Я вчера соседке ответить не могла.

— Скажу, конечно. А вы сегодня хорошо себя чувствуете? Может, тоже с нами посидите?

— Посмотрю, — ответила свекровь, поправляя ворот кофты. — Только ты опять не готовь ничего такого, что потом жевать невозможно. В прошлый раз мясо суховатое было. Серёжа хоть и молчал, а я заметила, что он почти не ел.

Ольга хотела напомнить, что Сергей тогда съел две порции, но только кивнула и вышла из комнаты. Она давно научилась пропускать мимо ушей замечания свекрови, хотя временами от них становилось особенно обидно. Валентина Павловна могла несколько раз похвалить сына за принесённый пакет продуктов и ни словом не упомянуть, кто покупал всё необходимое в остальные дни. При этом Ольга искренне жалела пожилую женщину, особенно когда та плохо себя чувствовала или боялась оставаться одна. Они прожили под одной крышей столько лет, что привычная забота давно смешалась с усталостью, раздражением и настоящей привязанностью. Ольга часто ловила себя на желании хотя бы неделю пожить по собственному расписанию, а затем стыдилась этих мыслей, вспоминая, какой беспомощной была свекровь после болезни.

К обеду жакет удалось почти закончить, и Ольга принялась за ужин. Она достала курицу, приготовила картофель, решила испечь пирог с яблоками, который Дарья особенно любила в детстве. Дочь теперь редко просила её готовить что-нибудь специально, поскольку у неё была собственная семья, работа и множество повседневных забот. В свои двадцать восемь она уже привыкла самостоятельно распоряжаться временем, хотя к матери по-прежнему обращалась всякий раз, когда требовалось что-нибудь зашить, переделать или срочно приготовить. Никита тоже жил отдельно и в двадцать четыре года с большим удовольствием пользовался свободой, чем возможностью навещать родителей. Ольга не обижалась на редкие встречи, по крайней мере старалась не обижаться, понимая, что сама когда-то в этом возрасте стремилась поскорее уйти из родительского дома. Но сегодняшний вечер радовал её именно тем, что никого не пришлось уговаривать приехать.

Около трёх часов позвонила Дарья, и Ольга сразу сообщила, что собирается испечь её любимый пирог. Дочь почему-то не обрадовалась, как обычно, а лишь попросила не слишком хлопотать и уточнила, во сколько отец назначил встречу. Услышав, что мать уже занимается ужином, она ненадолго замолчала, после чего спросила, как та себя чувствует. Вопрос был настолько неожиданным, что Ольга даже рассмеялась, заверив, что не заболела и прекрасно справляется с делами. Дарья сказала, что они с Никитой приедут без опоздания, и быстро попрощалась, сославшись на работу. Ольга ещё немного подержала телефон возле уха, вспоминая необычную интонацию дочери, затем решила, что у той, наверное, какие-нибудь неприятности с Игорем. Она хотела перезвонить, но побоялась показаться навязчивой и вернулась к плите.

Сергей пришёл домой около половины седьмого, когда Ольга как раз доставала пирог из духовки. Он не поинтересовался, как прошёл её день, и почти сразу отправился переодеваться. Ольга заглянула в спальню, чтобы спросить, понадобится ли ещё что-нибудь к ужину, и увидела мужа возле открытого шкафа. На кровати лежала небольшая дорожная сумка, в которую он складывал рубашки, но при появлении жены быстро застегнул молнию и убрал сумку за кресло. Она удивилась, потому что Сергей ничего не говорил о предстоящей поездке, а на работе у него обычно заранее определяли все командировки.

— Ты куда-то собираешься? — спросила Ольга, остановившись в дверях. — Опять ехать заставляют? Хоть бы предупредил, я бы тебе вещи приготовила.

— Не надо ничего готовить, — ответил Сергей, снимая часы и укладывая их на тумбочку. — Потом разберёмся. Ты лучше проверь, всё ли к ужину готово, дети скоро придут.

— Да всё готово, Серёж. Только салат осталось заправить. Ты какой-то нервный сегодня, случилось что-нибудь?

— Оля, я тебя очень прошу, — муж повернулся к ней, и она заметила, насколько напряжённым было его лицо. — Давай сегодня без лишних вопросов. Когда все соберутся, тогда и поговорим.

Она хотела возразить, что в собственном доме имеет право задать мужу обычный вопрос, но сдержалась. Последнее время они и без того слишком часто ссорились из-за мелочей, и Ольга не хотела начинать семейный вечер с нового выяснения отношений. Она вышла, закрыла за собой дверь и некоторое время возилась на кухне, хотя все необходимые приготовления давно закончила. Вспомнив сумку, подумала, что Сергей, возможно, собирается на несколько дней уехать по работе и решил заранее обсудить это с детьми. Такое объяснение не особенно убеждало её, но другого она придумать не могла.

Дарья приехала первой, почти одновременно с Никитой, который встретил сестру возле подъезда. Ольга сразу обняла обоих, поцеловала сына в щёку и принялась спрашивать, как у них дела. Никита принёс коробку конфет, объяснив, что заехал по дороге в магазин, хотя обычно появлялся с пустыми руками. Дарья сняла пальто, аккуратно повесила его на крючок и не сразу ответила на вопрос о муже. Ольга заметила, что дочь выглядит уставшей, даже предложила ей посидеть на кухне и выпить чаю до ужина, но та отказалась. Когда из спальни появился Сергей, дети одновременно посмотрели на него, и Ольгу неприятно кольнуло это молчаливое ожидание. Муж кивнул им, спросил о дороге и велел проходить к столу.

Ужин начался совершенно не так, как представляла себе Ольга. Она раскладывала картофель, предлагала салат, рассказывала про заказчицу, которая трижды меняла своё решение насчёт рукавов, но никто по-настоящему не поддерживал разговор. Никита несколько раз задавал вопросы о её работе и тут же замолкал, стоило Сергею положить вилку. Дарья почти не притронулась к еде и только подвигала по тарелке несколько кусочков курицы. Ольга пыталась понять, что происходит, и постепенно перестала ощущать прежнюю радость от встречи. Когда она предложила разрезать пирог, Сергей попросил сначала убрать лишние тарелки, потому что им нужно серьёзно поговорить. Ольга замерла с ножом в руке, затем положила его на стол и села рядом с дочерью.

— Ну говори уже, — попросила она, стараясь улыбнуться. — А то вы все сидите такие, будто у нас кто-то умер. Я целый день голову ломаю, что могло случиться.

Сергей несколько секунд смотрел на сложенные перед собой руки. Потом выпрямился, перевёл взгляд с сына на дочь и только после этого обратился к жене. Ольга заметила это движение и вдруг поняла, что дети знают, о чём он собирается говорить. Ей стало неприятно, словно она случайно оказалась на чужом семейном совете, где все уже успели обсудить главное без неё.

— Оля, я хочу, чтобы ты выслушала меня спокойно, — начал Сергей. — Мы с тобой прожили вместе тридцать лет. Я благодарен тебе за всё, что было, и не собираюсь это перечёр-

кивать. Но последние годы наши отношения давно перестали быть такими, какими должны быть отношения между мужем и женой. Я много думал и понял, что дальше так жить не хочу.

— Что значит не хочешь? — Ольга нахмурилась, не понимая, к чему он ведёт. — Ты о чём сейчас говоришь? У нас проблемы, я и без тебя знаю. Но если тебя что-то не устраивает, почему ты раньше не разговаривал со мной?

— Я разговаривал, — возразил Сергей, стараясь сохранять ровный голос. — Ты просто не слышала. Дома всё время одно и то же: недовольство, жалобы, какие-то бесконечные дела. Я прихожу с работы и даже отдохнуть нормально не могу. Мне пятьдесят четыре года, Оля, и я не хочу провести оставшуюся жизнь в постоянных выяснениях, кто устал сильнее.

— А я, по-твоему, отдыхаю? — спросила она, почувствовав, как внутри начинает подниматься знакомое раздражение. — Я целыми днями дома с твоей мамой, ещё заказы пытаюсь делать. Ты приходишь, ужинаешь, смотришь телевизор, а потом ложишься спать. Когда ты последний раз вообще спрашивал, как у меня день прошёл?

— Вот именно об этом я и говорю, — Сергей развёл руками, словно жена только что подтвердила его слова. — Любой разговор заканчивается претензиями. Я не собираюсь сейчас выяснять, кто из нас больше сделал. Моё решение уже принято.

Ольга посмотрела на Дарью, надеясь увидеть хотя бы такое же непонимание, какое испытывала сама. Дочь сидела неподвижно, сжимая салфетку, и старательно избегала её взгляда. Никита опустил голову, разглядывая рисунок на скатерти. Тогда Ольга снова повернулась к мужу и спросила, какое именно решение он принял. Сергей глубоко вдохнул и произнёс, что у него появилась другая женщина, с которой он собирается жить. Он сказал это достаточно тихо, без злости и торжества, почти таким же голосом, каким утром сообщил о приезде детей.

Сначала Ольга решила, что неправильно его поняла. Она даже улыбнулась, ожидая продолжения, которое объяснит услышанное, но Сергей молчал, а Дарья вдруг закрыла лицо ладонью. Ольга перевела взгляд на сына, затем снова посмотрела на мужа, пытаясь найти в его выражении хоть что-нибудь знакомое. Он сидел напряжённо, однако явно не испытывал растерянности человека, только что разрушившего привычный порядок семейной жизни. Напротив, казалось, Сергей заранее подготовился к этой минуте и теперь ждал, когда жена наконец усвоит сказанное, чтобы перейти к следующим вопросам.

— Какая другая женщина? — переспросила Ольга и почувствовала, как странно звучит её голос. — Серёжа, ты что сейчас сказал? Ты хочешь сказать, что у тебя любовница?

— Я хочу сказать, что встретил человека, с которым у меня настоящие отношения, — ответил Сергей, поморщившись от последнего слова. — Давай не будем выражаться так, будто мы на базаре. Её зовут Жанна. Мы любим друг друга, и я принял решение переехать к ней.

— Любите друг друга? — Ольга повторила его слова, не сводя глаз с лица мужа. — А мы тогда кто? Я тебе кто, Сергей? Тридцать лет вместе прожили, детей вырастили, и ты вот так сидишь за нашим столом и рассказываешь, что любишь какую-то Жанну?

— Не какую-то, — резко поправил он. — Я прошу тебя уважительно говорить о человеке, которого ты совершенно не знаешь. Жанна ничего плохого тебе не сделала. Наши отношения начались, когда мы с тобой уже фактически перестали быть семьёй.

Ольга резко отодвинула стул, но подняться не смогла. Ноги словно перестали слушаться, а пальцы, которыми она держалась за край стола, заметно дрожали. Ей хотелось спросить сразу обо всём: где они познакомились, когда начали встречаться, сколько раз он возвращался домой от этой женщины, пока она готовила ему ужин. В голове почему-то всплыло прошлое воскресенье, когда Сергей просил погладить рубашку и раздражался, что воротник остался немного мятым. Ещё она вспомнила его недавнее обещание съездить вместе куда-нибудь весной, хотя бы на несколько дней, когда Валентине Павловне станет удобнее оставаться с помощницей. Тогда Ольга обрадовалась, начала выбирать, куда они могли бы отправиться, но Сергей быстро потерял интерес к разговору и сказал, что всё обсудят позже.

— Сколько? — наконец спросила она, с трудом разжав пальцы. — Сколько времени ты с ней?

— Несколько месяцев, — ответил Сергей. — Точная дата сейчас ничего не изменит. Я понимаю, что тебе неприятно это слышать, но скрывать дальше было бы неправильно.

— Несколько месяцев, — повторила Ольга, и голос её сорвался. — Значит, ты несколько месяцев приходил домой, ел за этим столом, спал рядом со мной, а потом уходил к ней? Когда ты мне говорил, что задерживаешься на работе, ты тоже был у неё? А когда я звонила и ты не брал трубку?

— Оля, прекрати, — сказал Сергей, заметно раздражаясь. — Я не собираюсь отчитываться за каждый прожитый день. Ты сейчас сама себя накручиваешь. Я пришёл поговорить по-человечески, а не выслушивать допрос.

— По-человечески? — Ольга вскочила так резко, что стул ударился о стену. — Ты привёлсюда детей и сообщил мне, что несколько месяцев спишь с другой женщиной! И ещё требуешь, чтобы я разговаривала по-человечески? Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Мам, пожалуйста, — тихо произнесла Дарья, поднимая на неё глаза. — Папа же сразу попросил без крика. Мы понимаем, что тебе больно, но так вы ничего не решите.

Ольга повернулась к дочери, поражённая не столько её словами, сколько спокойной уверенностью, с которой они были произнесены. Дарья выглядела расстроенной, но не удивлённой, и именно это вдруг оказалось самым страшным. Ещё несколько минут назад Ольга воспринимала детей как людей, которые вместе с ней пытаются понять произошедшее. Теперь она смотрела на дочь и постепенно осознавала, что та знает гораздо больше, чем сказала за весь вечер.

— Подожди, Даша, — произнесла Ольга, чувствуя, как от волнения пересыхает во рту. — Ты знала? Ты знала, что он собирается мне это сказать?

Дарья растерянно посмотрела на отца. Сергей едва заметно кивнул, будто разрешая ей ответить, и Ольге захотелось закричать уже от одного этого движения. Дочь поправила салфетку, которую давно смяла в руках, и призналась, что они с Никитой узнали обо всём несколько дней назад. Отец попросил приехать, чтобы разговор прошёл спокойнее, и заверил, что не собирается бросать семью или уклоняться от своих обязанностей. Дарья добавила, что сама сначала расстроилась, но потом решила: взрослые люди имеют право разобраться в собственных отношениях без вмешательства детей.

— Без вмешательства? — Ольга смотрела на неё, не веря услышанному. — Ты знала, что отец мне изменяет, и ничего не сказала? Вчера со мной разговаривала, спрашивала, как я себя чувствую, а сама знала, что сегодня он объявит об уходе?

— Мам, я не знала, как тебе сказать, — ответила Дарья, уже начиная сердиться. — И вообще, это не моё дело. Папа сам должен был с тобой поговорить. Он попросил нас поддержать вас обоих, чтобы всё прошло нормально.

— Поддержать обоих? — Ольга перевела взгляд на Никиту, который по-прежнему сидел молча. — А ты, значит, тоже знал? И поэтому конфеты принёс? Чтобы мне полегче было узнать, что отец уходит к любовнице?

— Мам, ну зачем ты так? — Никита поднял голову, болезненно поморщившись. — Я же не знал, что делать. Папа сказал, что вы давно обо всём говорили и осталось только окончательно договориться. Мы думали, ты хотя бы примерно понимаешь, к чему всё идёт.

— Мы говорили? — Ольга повернулась к Сергею, который уже начал терять терпение. — Когда мы говорили о том, что ты уходишь к другой женщине? Назови мне хотя бы один такой разговор. Ты два месяца назад обещал, что весной мы куда-нибудь съездим. Ты в прошлое воскресенье спрашивал, что приготовить на годовщину твоей мамы. А теперь оказывается, что мы давно обо всём договорились?

Сергей тяжело вздохнул и потянулся к стакану воды. Он объяснил, что не собирался сообщать детям никаких подробностей их личных отношений и говорил только о давно возникших проблемах. По его словам, Ольга сама прекрасно понимала, что между ними всё изменилось, но предпочитала не замечать очевидного. Он добавил, что дети ни в чём не виноваты и совершенно правильно сделали, не вмешиваясь в родительскую жизнь. Ольга слышала его слова, но никак не могла избавиться от мысли, что трое самых близких людей несколько дней обсуждали её будущее, пока она ничего не подозревала. Сегодня утром она готовила Сергею завтрак, днём разговаривала с дочерью и всё это время оставалась единственной, кто не знал, что вечером её семейная жизнь закончится.

— Хорошо, — сказала Ольга, заставив себя снова сесть. — Допустим, ты решил уйти. Не буду сейчас спрашивать, почему нельзя было хотя бы сначала со мной поговорить. Но что дальше? Ты ведь понимаешь, что у нас не просто два человека живут в квартире. Здесь твоя мать, Сергей. Как ты собираешься с ней поступить?

Муж заметно оживился, словно наконец услышал вопрос, на который заранее подготовил удобный ответ. Он объяснил, что никаких резких перемен сейчас делать не нужно, поскольку Валентина Павловна тяжело привыкает к новому и очень привязана к Ольге. Сам он будет приезжать, навещать мать, помогать с необходимыми расходами и постепенно подыщет подходящее решение. Дети тоже смогут участвовать, а пока всем лучше оставить привычное устройство жизни без изменений. Сергей говорил уверенно и спокойно, даже с некоторым облегчением, потому что практическая часть разговора казалась ему значительно проще предыдущей.

— Подожди, — перебила Ольга, внимательно вслушиваясь в его объяснения. — Ты сейчас хочешь сказать, что уйдёшь жить к своей Жанне, а твоя мама останется со мной?

— Пока да, — ответил Сергей. — Я же объясняю, что ей сейчас ни к чему лишние переживания. Ты лучше всех знаешь её привычки, она тебе доверяет. Мы не можем просто взять и перевезти пожилого человека неизвестно куда.

— Почему неизвестно куда? — Ольга почувствовала, что опять начинает повышать голос. — У неё своя квартира есть. Там всё необходимое, она сама постоянно говорит, что скучает по своим вещам. Можно найти помощницу, можно договориться о постоянных визитах. Ты ведь ещё четыре года назад обещал, что мы всё устроим.

— И устроим, — Сергей нетерпеливо махнул рукой. — Только не надо требовать всего немедленно. У меня сейчас и без того непростой период. Мне нужно наладить собственную жизнь, переехать, привыкнуть к новым обстоятельствам. Я не могу одновременно заниматься абсолютно всем.

— А я могу? — спросила Ольга, уже не стараясь сдерживаться. — Ты сейчас говоришь, что тебе тяжело переехать к любимой женщине, а я должна и дальше сидеть здесь с твоей матерью? Ты вообще понимаешь, что предлагаешь?

— Я предлагаю подумать прежде всего о маме, — ответил Сергей с таким видом, будто жена сказала нечто совершенно недостойное. — Ей семьдесят девять лет, Оля. Она привыкла жить здесь, рядом с тобой. Жанна работает, у неё собственная квартира и свой порядок. Я не собираюсь с самого начала наших отношений навязывать ей обязанности, к которым она не имеет никакого отношения.

Ольга некоторое время молчала, пытаясь осмыслить последнее объяснение. Получалось, что Жанну необходимо беречь от неудобств, связанных с матерью Сергея, потому что новая женщина не обязана принимать на себя чужие заботы. Ольга же должна была продолжать всё то, чем занималась последние четыре года, хотя теперь муж прямо объявлял, что больше не хочет быть с ней. Она посмотрела на Дарью и Никиту, ожидая возмущения хотя бы от них, но дочь сидела с напряжённым лицом, а сын избегал встречаться с ней взглядом.

— Значит, Жанне это не нужно, — произнесла Ольга, и слёзы снова выступили у неё на глазах. — Она работает, у неё собственная жизнь. А у меня, выходит, никакой жизни нет? Ты помнишь вообще, что я своё ателье закрыла ради твоей матери? Ты меня сам попросил! Говорил, что несколько месяцев потерпим, найдём человека, а потом я вернусь к работе. Где этот человек, Сергей? Четыре года прошло!

— Оля, не надо изображать, будто тебя заставили, — ответил он, нахмурившись. — Ты сама согласилась помогать. Никто тебя силой дома не держал. И потом, мама тебя всегда хорошо принимала, считала родной дочерью. Неужели теперь всё это ничего не значит?

— Я согласилась помочь больной женщине, потому что она тогда почти не вставала! — Ольга ударила ладонью по столу, отчего ложки звякнули о тарелки. — Я согласилась временно, Сергей! А ты каждый раз говорил, что сейчас не время искать помощницу, сейчас не время тратить деньги, сейчас не время возвращаться к работе. У тебя никогда не было времени, когда речь заходила о моём ателье!

— Ты прекрасно понимаешь, что сейчас упрекаешь меня совершенно не к месту, — Сергей отодвинул стакан и выпрямился. — Я сообщаю тебе о серьёзном решении, а ты начинаешь считать, кто сколько лет чем занимался. Если хочешь обсуждать помощь маме, давай обсудим её отдельно. Не нужно смешивать всё в одну кучу.

— Отдельно? — Ольга почувствовала, как от бессилия у неё перехватывает дыхание. — Ты сам всё это смешал! Ты уходишь к другой женщине, а я должна продолжать обслуживать твою семью, будто ничего не случилось. И ещё благодарить тебя за то, что ты когда-нибудь найдёшь время разобраться со своей матерью?

Дарья резко поднялась из-за стола. До этого она несколько раз пыталась вмешаться, но отец останавливал её взглядом, давая понять, что сам справится с разговором. Теперь дочь подошла к Ольге, осторожно положила руку ей на плечо и попросила сесть спокойно, потому что от крика всё равно ничего не изменится. Ольга почувствовала её прикосновение и на мгновение обрадовалась, подумав, что дочь наконец поняла, как несправедливо звучат слова Сергея. Но Дарья продолжила совершенно другим тоном, убеждая мать перестать предъявлять отцу старые претензии.

— Мам, ну нельзя же так, — сказала она, стараясь говорить мягче. — Папа ведь не утверждает, что ты должна до конца жизни заниматься бабушкой. Он просит всего несколько недель, пока всё устроится. Ты же понимаешь, как ему сейчас тяжело, а ты только кричишь и кричишь.

— Ему тяжело? — Ольга подняла голову и посмотрела дочери прямо в лицо. — Даша, ты сейчас серьёзно? Твой отец мне изменяет, уходит к другой женщине и оставляет здесь свою мать, а ты переживаешь, как тяжело ему?

— Я переживаю за вас обоих, — возразила Дарья, отнимая руку. — Но ты даже не пытаешься его услышать. Вы с папой давно несчастливы, это всем было видно. Разве лучше, если он останется здесь и вы будете продолжать ссориться каждый день? Он ведь тоже человек, мам. У него тоже есть право на нормальную жизнь.

Ольга хотела ответить, но слова почему-то не складывались. Перед ней стояла дочь, которую она когда-то водила за руку в детский сад, для которой шила выпускное платье, с которой ночами разговаривала после первых подростковых несчастий. Она помнила Дарью маленькой, обиженной на подружек, плачущей из-за несправедливого замечания учительницы, и всякий раз старалась понять, что именно причиняло ей боль. Теперь взрослая дочь смотрела на мать с плохо скрываемым раздражением, потому что та никак не хотела принять решение отца и облегчить ему предстоящий переезд.

— Мама, не мешай папе быть счастливым, — наконец произнесла Дарья, заметно повысив голос. — Ну сколько можно думать только о своих обидах? Он всю жизнь работал ради нас, содержал семью, старался, чтобы у нас всё было. Неужели ты не можешь хотя бы сейчас проявить понимание?

Ольга отступила от дочери и задела рукой спинку стула. Ей показалось, что она снова не расслышала сказанное, как несколькими минутами раньше не могла поверить в признание Сергея. Дарья продолжала что-то объяснять о взрослом отношении к разводу, о том, что нельзя заставлять человека жить без любви, но мать уже почти не слушала. В памяти всплыли совсем другие слова дочери, сказанные несколько лет назад, когда та выходила замуж. Тогда Дарья просила её не волноваться из-за подготовки к свадьбе, уверяла, что сама со всем справится, а потом всё равно звонила по вечерам, советовалась, спрашивала, не обидела ли чем-нибудь будущую свекровь. Ольга тогда несколько недель почти не спала, заканчивая платье и помогая с приготовлениями, но была счастлива видеть дочь такой радостной. Сейчас эта же дочь говорила ей, что она мешает отцу быть счастливым, и даже не замечала, насколько жестокими оказались её слова.

— Даша, — тихо спросила Ольга, с трудом заставив себя произнести имя. — А мне что делать? Ты мне можешь объяснить, как мне теперь жить?

Дарья растерялась и несколько секунд смотрела на мать, словно не ожидала такого простого вопроса. Потом сказала, что Ольге нужно успокоиться, заняться собой, чаще встречаться с подругами и постепенно привыкнуть к переменам. Она уверяла, что никто не собирается оставлять её одну и что дети всегда будут рядом. Сергей одобрительно кивнул, заметив, что именно об этом пытался говорить с самого начала, но жена никак не желала слушать разумные объяснения. Ольга посмотрела на него, затем снова на дочь, не находя сил возразить. Все предложения звучали так легко, будто стоило ей перестать плакать, и тридцать лет семейной жизни можно было убрать из памяти вместе с лишней посудой после ужина.

— Мам, давай я буду приезжать к бабушке, — вмешался Никита, которому разговор становился всё неприятнее. — Серьёзно, без проблем. Мы с Дашей можем распределить дни, папа тоже обещал помогать. Тебе не придётся одной всё тянуть, просто дай нам немного времени, чтобы договориться.

— Сколько времени? — спросила Ольга, повернувшись к сыну. — Неделю? Месяц? Год? Я четыре года слышу, что вы сейчас всё устроите. Почему я должна снова верить?

— Несколько недель, Оля, — ответил Сергей раньше Никиты. — Я же сказал, что это временно. Не надо специально представлять всё так, будто мы собираемся бросить маму тебе на шею навсегда. Я сам займусь поиском помощницы, когда немного разберусь со своим переездом.

Ольга хотела сказать, что у него уже есть время заниматься новой женщиной, выбирать, где жить, собирать вещи, сообщать детям о предстоящем разводе. Всё это он успел сделать заранее, пока жена продолжала заботиться о его матери и верила, что семейные неприятности ещё можно исправить. Однако теперь она видела перед собой троих людей, которым её возмущение мешало закончить давно подготовленный разговор. Дарья выглядела уставшей, Никита нервно теребил салфетку, а Сергей всё чаще поглядывал на часы. Ольга вдруг испугалась, что если продолжит кричать, дети уйдут вместе с отцом, а завтра уже никто из них не захочет с ней разговаривать. Этот страх оказался таким сильным, что она заставила себя замолчать, хотя внутри всё ещё кипела ярость.

— Хорошо, — произнесла она наконец, вытирая мокрые щёки рукавом. — Несколько недель. Я помогу Валентине Павловне, пока вы не организуете всё необходимое. Но только несколько недель, Сергей. Я больше не согласна жить в ожидании, когда ты наконец вспомнишь о своих обещаниях.

— Вот и договорились, — ответил муж, заметно расслабившись. — Видишь, можно же спокойно разговаривать. Я постараюсь всё решить как можно быстрее. А сейчас, если ты не против, мне нужно забрать некоторые вещи.

Ольга подняла на него глаза, не сразу поняв смысл последних слов. Сергей уже вставал из-за стола, поправлял рубашку и искал взглядом телефон, оставленный возле тарелки. Оказалось,

он собирался уехать сегодня, а не через несколько дней, как она почему-то представляла себе всё это время. Дорожная сумка в спальне теперь получила простое и страшное объяснение. Муж подготовился ещё до разговора, заранее решил, что скажет, договорился с детьми и даже выбрал вещи, которые собирался взять с собой. Ольга сидела неподвижно, пока он выходил из комнаты, и только потом поднялась следом.

В спальне Сергей открыл шкаф и начал складывать в сумку оставшиеся принадлежности. Он действовал быстро, почти не глядя на жену, словно опасался, что промедление приведёт к новой ссоре. Ольга остановилась возле кровати, на которой они спали столько лет, и увидела, что с полки уже исчезли несколько его любимых рубашек. В ванной оказалось пустым привычное место рядом с её зубной щёткой, а на тумбочке больше не лежали часы, которые Сергей каждое утро надевал перед работой. Всё это произошло ещё до того, как она узнала об уходе мужа, и от этого становилось особенно больно.

— Ты всё заранее собрал, — сказала Ольга, глядя на пустое место в шкафу. — Даже не сомневался, что сегодня уйдёшь. А я утром спрашивала, куда ты собираешься, и ты мне ничего не ответил.

— Потому что сначала хотел спокойно поговорить, — ответил Сергей, складывая в сумку зарядное устройство. — Я не собирался устраивать выяснение отношений перед работой. Оля, пожалуйста, не начинай опять. Мы уже всё обсудили.

— Нет, Сергей, мы ничего не обсудили, — возразила она, чувствуя, как снова подступают слёзы. — Ты сказал мне, что уходишь, объяснил, какие у тебя планы, а потом заставил согласиться заботиться о твоей матери. Ты даже не спросил, чего хочу я. Тебе вообще интересно?

Он остановился и наконец посмотрел на неё. Несколько секунд Сергей молчал, словно действительно обдумывал ответ, но затем устало провёл рукой по лицу и заявил, что сейчас любые её слова будут продиктованы обидой. Он попросил дать ему время, обещал позже поговорить о разводе и бытовых вопросах, а пока хотел обойтись без новых сцен. Ольга всхлипнула и закрыла рот ладонью, чтобы не расплакаться снова. Ей вдруг невыносимо захотелось обнять его, заставить сесть рядом, попросить всё объяснить и вернуть тот привычный мир, в котором их утренние ссоры ещё не означали окончательного расставания. От этого желания стало так стыдно, что она отвернулась к окну.

— Ты её любишь? — спросила Ольга после долгого молчания. — Правда любишь, Серёж? Или тебе просто хорошо с ней, потому что она не видела тебя уставшим, больным, злым? Она ведь не знает, какой ты бываешь дома.

— Люблю, — ответил он, не отводя взгляда. — И хочу попробовать построить с ней нормальную жизнь. Я понимаю, что тебе тяжело, но не собираюсь отказываться от своего решения только потому, что ты сейчас плачешь.

— А меня ты больше совсем не любишь? — Ольга повернулась к нему, уже не скрывая слёз. — Даже немножко? За тридцать лет ничего не осталось?

Сергей тяжело вздохнул и опустил глаза к сумке. Он сказал, что относится к ней с уважением, благодарен за детей и прожитые годы, но больше не испытывает того, что должно связывать мужчину и женщину. Ольга выслушала его, чувствуя, как сильно хочется возразить хотя бы одной из этих тщательно подобранных фраз. Но муж уже застегнул молнию, взял сумку за ручку и направился к двери. Она невольно шагнула следом, затем остановилась, не желая, чтобы он увидел, насколько отчаянно ей хочется удержать его.

В прихожей ждали Дарья и Никита. Дочь уже надела пальто, но, увидев покрасневшие глаза матери, на мгновение растерялась и предложила помочь убрать со стола. Ольга отказалась, слишком хорошо понимая, что сейчас не выдержит даже обычного разговора о посуде. Никита взял вторую сумку, которую отец приготовил заранее, и поставил её возле входной двери. Сергей поблагодарил сына, проверил карманы, после чего обернулся к жене и попросил

передать матери, что завтра обязательно приедет. Он добавил, что вечером позвонит и уточнит, не требуется ли чего-нибудь, а затем пообещал не затягивать с поиском помощницы.

— Ты сам ей скажешь, — ответила Ольга, держась за дверной косяк. — Это твоя мать, Сергей. Я не собираюсь объяснять ей, почему ты решил уйти к другой женщине. Приезжай завтра и разговаривай с ней сам.

— Хорошо, — согласился он после небольшой паузы. — Только прошу тебя, не надо сейчас её расстраивать. Ей ни к чему подробности наших отношений. Скажи пока, что я уехал по делам, а завтра мы всё объясним.

Ольга посмотрела на мужа и поняла, что он действительно рассчитывает на её согласие. Даже теперь, когда она едва стояла на ногах после услышанного, Сергей предлагал ей ещё немного облегчить его положение и позаботиться о том, чтобы завтрашний разговор оказался менее неприятным. Она открыла рот, собираясь ответить, но Дарья уже попросила отца поторопиться, потому что внизу его ждала машина. Ольга отступила в сторону, пропуская мужа, и впервые за весь вечер заметила, что на нём та самая новая куртка, которую они выбирали вместе в феврале. Тогда Сергей долго сомневался насчёт размера, просил её посмотреть со стороны, а она смеялась и уверяла, что вещь ему очень идёт.

Никита первым вышел на лестничную площадку с сумкой. Сергей задержался на пороге, словно собирался что-то добавить, но так и не нашёл слов, которые счёл бы необходимыми. Он коротко попрощался и пошёл вслед за сыном, оставив Ольгу возле открытой двери. Дарья обняла мать, однако та стояла неподвижно, не в силах ответить на прикосновение. Дочь погладила её по спине, попросила постараться отдохнуть и пообещала позвонить завтра. Ольга хотела спросить, почему нельзя остаться сейчас, хотя бы на полчаса, но Дарья уже торопливо объясняла, что ей нужно домой, потому что Игорь ждёт и завтра рано вставать.

— Мам, пожалуйста, не сиди всю ночь и не накручивай себя, — сказала она, поправляя сумочку на плече. — Папа ведь не перестанет быть нашим отцом, а ты нашей мамой. Мы всё равно будем семьёй, просто немного по-другому. Я завтра обязательно тебе позвоню, хорошо?

Ольга кивнула, хотя слова дочери причиняли почти такую же боль, как недавний разговор за столом. Она смотрела, как Дарья выходит на площадку, прикрывает за собой дверь и торопится к лифту. Ещё несколько секунд доносились приглушённые голоса детей, затем раздался короткий металлический звук, и всё стихло. Ольга закрыла дверь, повернула замок и осталась одна в прихожей. На крючке больше не висела куртка Сергея, на полке отсутствовали его ботинки, зато рядом стояли домашние тапочки, которые она купила ему прошлой осенью. Ольга машинально поправила их носками к стене, как делала каждый день, и только потом поняла, что муж больше не придёт вечером и не переобуется в них.

Из большой комнаты доносилось тихое гудение холодильника. На столе оставались почти нетронутые тарелки, остывшая курица и пирог, который Ольга так и не успела разрезать. Она вошла туда, посмотрела на смятую салфетку дочери, на стакан Сергея, возле которого осталось несколько капель воды, и попыталась вспомнить, когда именно обычный семейный ужин превратился в прощание. Утром она ещё собиралась закончить заказ и радовалась приезду детей, а теперь не могла заставить себя даже убрать посуду. Ольга опустилась на стул, обхватила себя руками и наконец заплакала без всякой попытки сдерживаться. Она плакала от обиды на мужа, от страха перед завтрашним днём и от мучительного воспоминания о том, как дочь просила не мешать папиному счастью.

Некоторое время Ольга сидела, не замечая, как постепенно затекают ноги. Потом услышала знакомый зов из комнаты Валентины Павловны и невольно вздрогнула. Свекровь звала уже второй раз, недовольная тем, что никто не отвечает, и Ольга по привычке поднялась, вытерла лицо и пошла к ней. По дороге она остановилась возле зеркала в коридоре, увидела опухшие глаза, красный нос и размазанную тушь. Ей было неприятно появляться перед пожи-

лой женщиной в таком виде, но спрятаться было негде, а сил приводить себя в порядок не осталось. Она провела мокрой ладонью по щекам и открыла дверь.

— Оля, что у вас там произошло? — спросила Валентина Павловна, сидевшая на кровати с раскрытой книгой. — Я слышала, как вы разговаривали на повышенных тонах. Потом дверь хлопнула. Серёжа уже уехал, что ли? Он даже ко мне не заглянул.

Ольга села на край стоявшего рядом стула и несколько секунд смотрела на знакомое лицо свекрови. Валентина Павловна выглядела встревоженной, но прежде всего недовольной тем, что сын ушёл, не попрощавшись. Ольга понимала, что теперь должна сообщить ей правду, однако язык не поворачивался произнести то, что всего час назад казалось немыслимым. Она вспомнила просьбу Сергея ничего пока не говорить и почувствовала новый приступ злости. Даже уйдя из дома, муж сумел оставить ей неприятный разговор, от которого сам предпочёл уклониться.

— Сергей ушёл, Валентина Павловна, — наконец произнесла она, едва удерживая дрожь в голосе. — У него другая женщина. Он сказал, что больше не хочет со мной жить и собирается переехать к ней. Завтра приедет и сам вам всё объяснит.

Свекровь долго молчала, словно пыталась понять, насколько серьёзно сказанное. Потом отложила книгу, поправила край покрывала и спросила, не поссорились ли они просто сильнее обычного. Ольга покачала головой и повторила, что Сергей собрал вещи и ушёл к другой женщине. Валентина Павловна недоверчиво посмотрела на неё, затем перевела взгляд на дверь, ожидая, будто сын сейчас появится и объяснит нелепое недоразумение. Несколько минут они сидели в тишине, пока из соседней комнаты доносился едва слышный шум телевизора, который Ольга забыла выключить перед ужином.

— Вот ведь что придумал на старости лет, — наконец проговорила Валентина Павловна, тяжело вздохнув. — Никогда бы не подумала, что Серёжа на такое способен. Хотя мужчины, сама знаешь, иногда совсем голову теряют. Может, ещё одумается, когда поймёт, что натворил.

Ольга закрыла лицо ладонями. Ей хотелось услышать хоть одно слово сочувствия, хоть один вопрос о том, как она себя чувствует, но свекровь уже начала беспокоиться, где теперь будет жить сын и не повредит ли происходящее его работе. Ольга ответила, что он собирается к Жанне, а потом поднялась, чувствуя, что ещё немного — и снова начнёт кричать. Она поправила подушку за спиной Валентины Павловны, поставила поближе стакан воды и спросила, требуется ли что-нибудь ещё. Пожилая женщина покачала головой, но когда невестка уже направилась к двери, окликнула её.

— Оля, ты только не вздумай теперь на мне зло срывать, — сказала Валентина Павловна, заметно смягчив голос. — Я ведь ни в чём не виновата. Мы столько лет вместе прожили, я к тебе привыкла, как к родной. Надеюсь, ты понимаешь, что мне в моём возрасте такие перемены ни к чему.

Ольга остановилась, держась за дверную ручку. Она только что узнала, что муж ей изменял несколько месяцев, что дети скрывали это и что семья уже решила, каким образом ей следует переживать происходящее. Теперь свекровь тоже боялась прежде всего перемен в собственной жизни и просила не нарушать привычный порядок. Ольга хотела сказать, что сама пока ничего не понимает и не знает, где найдёт силы проснуться завтра, приготовить завтрак и снова сесть за машинку. Однако пожилая женщина смотрела на неё с настоящей тревогой, и Ольга не смогла выговорить ни одного из приготовленных слов.

— Я понимаю, Валентина Павловна, — ответила она наконец, стараясь не расплакаться. — Ложитесь спать, пожалуйста. Завтра Сергей приедет, и вы сможете сами с ним поговорить.

Она вышла из комнаты и тихо прикрыла дверь. В большой комнате по-прежнему стоял накрытый стол, а в спальне осталась незастеленная половина кровати, с которой Сергей ещё утром встал, собираясь на работу. Ольга медленно прошла по квартире, не зная, за что взяться, и в конце концов вернулась на кухню. Там она стала убирать тарелки, складывать еду в кон-

тейнеры и заворачивать нетронутый пирог, машинально выполняя знакомые действия. Когда дошла очередь до стакана Сергея, она взяла его, собираясь поставить в раковину, но внезапно так сильно разозлилась, что швырнула в мойку. Стакан разбился, и Ольга испуганно отступила, глядя на осколки. Несколько секунд она стояла неподвижно, затем открыла кран, осторожно собрала крупные куски стекла и снова заплакала.

Телефон лежал на столе возле её локтя. Ольга взяла его, открыла переписку с Дарьей и несколько раз перечитала вчерашнее сообщение дочери, в котором та спрашивала, не осталось ли у мамы времени подшить платье к выходным. Ничего необычного в этих словах не было, и оттого становилось особенно тяжело: когда дочь писала их, она уже знала, что отец собирается уйти. Ольга набрала длинный ответ, спрашивая, как Дарья могла спокойно разговаривать с ней всё это время, потом стёрла его и отложила телефон. Ей хотелось услышать голос дочери, потребовать объяснений, сказать, как сильно та её обидела, но она боялась, что Дарья снова обвинит её в нежелании понять отца. Вместо звонка Ольга выключила свет на кухне и прошла в спальню, где ещё сохранялся едва заметный запах одеколона Сергея.

Она долго сидела на краю кровати, глядя на пустую полку в шкафу. Потом поднялась, достала из комода старую домашнюю футболку, переоделась и легла, не убирая вторую подушку. Несколько раз ей казалось, что сейчас щёлкнет замок, Сергей войдёт в спальню и раздражённо спросит, почему она до сих пор не спит. Ольга даже прислушивалась к звукам за дверью, прежде чем вспоминала, что муж сам собрал вещи и уехал к другой женщине. Она повернулась к его половине кровати, провела ладонью по прохладной простыне и прижалась лицом к подушке, не в силах остановить новые слёзы. За стеной тихо кашлянула Валентина Павловна, и Ольга привычно прислушалась, не потребуется ли ей помощь. Завтра нужно было приготовить завтрак, закончить жакет и дождаться приезда Сергея, который обещал разобраться с матерью через несколько недель. Но сейчас она ещё не могла представить, как проживёт даже следующий день, если собственные дети уже попросили её перестать мешать отцу быть счастливым.

Глава 2. Ты ведь всё равно дома

На следующее утро Ольга проснулась раньше обычного, хотя почти всю ночь не спала. Некоторое время она лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к звукам за окном, и по привычке ждала, когда Сергей повернётся на другой бок или потянется к телефону, чтобы выключить будильник. Потом вспомнила вчерашний вечер и открыла глаза. Его половина кровати оставалась нетронутой, в шкафу пустовали несколько полок, а возле двери больше не стояла привычная пара ботинок. Ольга села, провела ладонью по лицу и посмотрела на часы. Было без четверти семь, и ей совершенно незачем было вставать так рано, однако продолжать лежать она тоже не могла. Она поднялась, накинула халат и отправилась на кухню, по дороге машинально заглянув в комнату свекрови. Валентина Павловна ещё спала, и Ольга осторожно прикрыла дверь, стараясь не шуметь.

На кухне она достала из холодильника масло, сыр и яйца, поставила чайник и только после этого заметила, что приготовила три тарелки. Одна предназначалась свекрови, вторую она поставила себе, а третья оказалась на привычном месте Сергея. Ольга посмотрела на неё, почувствовала, как к горлу подступает знакомый комок, и поспешно убрала обратно в шкаф. Потом достала сковороду, разбила четыре яйца, хотя для неё самой и Валентины Павловны вполне хватило бы двух, и долго стояла перед плитой, не решаясь выбросить лишнее. Ей вспомнилось, как Сергей любил яичницу с поджаренными краями, как требовал обязательно посолить её ещё на сковороде и сердился, если желток оказывался слишком жидким. Всего вчера утром он сидел здесь, пил кофе, просил приготовить ужин к приезду детей, а теперь Ольга даже не знала, проснулся ли он уже и где именно находится его новая спальня.

Она взяла телефон и открыла переписку с мужем. Последним сообщением было его короткое «Завтра заеду, не волнуйся», отправленное уже после ухода, когда Ольга ещё сидела на кухне и не могла перестать плакать. Она долго смотрела на эти слова, затем набрала вопрос, хорошо ли он добрался, и немедленно стёрла. Потом написала, что почти не спала и не понимает, как он мог так поступить, но тоже не отправила. Ей хотелось поговорить с ним, услышать хоть что-нибудь, что объяснило бы вчерашнюю жестокость, однако она прекрасно представляла его раздражённый голос. Сергей опять попросит не начинать, напомнит о принятом решении и скажет, что сейчас занят. Ольга положила телефон экраном вниз, но через несколько минут всё-таки перевернула его и отправила короткое сообщение с вопросом, во сколько он сегодня приедет к матери.

Валентина Павловна появилась на кухне ближе к восьми. Она медленно прошла по коридору, придерживаясь за стену возле поворота, хотя по ровному полу давно передвигалась без посторонней помощи. Увидев приготовленный завтрак, свекровь удивилась количеству еды, затем села на своё место и попросила налить чай покрепче. Ольга принялась суетиться вокруг стола, стараясь не встречаться с ней взглядом. Ночью пожилая женщина несколько раз выходила из комнаты, и невестка слышала её шаги, но они так и не поговорили о вчерашнем. Теперь Валентина Павловна сама вернулась к случившемуся, осторожно подвинув тарелку с яичницей.

— Я всю ночь думала, что же это Серёжа натворил, — произнесла она, разламывая вилкой кусочек хлеба. — Не ожидала от него такого, конечно. Он ведь всегда серьёзный был, семейный, никогда особенно по сторонам не смотрел. Может, вы просто сильно поссорились и он сгоряча что-нибудь наговорил?

— Он к другой женщине уехал, Валентина Павловна, — ответила Ольга, наливая себе остывший кофе. — С вещами. Несколько месяцев с ней встречался, а вчера сообщил, что больше со мной жить не хочет. Это не ссора, он всё заранее решил.

— А ты с ним раньше разговаривала? — свекровь посмотрела на неё поверх очков. — Неужели совсем ничего не замечала? Мужчины ведь редко просто так уходят, обычно сначала дома что-нибудь разлаживается.

Ольга поставила чашку так резко, что кофе выплеснулся на блюдце. Она хотела спросить, не собирается ли Валентина Павловна вслед за сыном объяснять измену её собственными недостатками, но вовремя вспомнила, что пожилая женщина тоже только вчера узнала о случившемся. Вместо ответа она достала тряпку и принялась вытирать стол, хотя кофе было совсем немного. Свекровь наблюдала за ней с тревогой, затем вздохнула и попросила не принимать каждое слово так близко к сердцу. Ольга кивнула, отвернулась к раковине и несколько минут мыла совершенно чистую чашку, пока не смогла снова говорить нормальным голосом.

Сергей приехал только вечером, хотя утром ответил, что постарается освободиться пораньше. Ольга несколько раз смотрела на часы, откладывала работу и прислушивалась к звукам на лестнице. Когда наконец раздался звонок, она почти бегом отправилась открывать, но возле двери остановилась, поправила волосы и попыталась придать лицу спокойное выражение. Сергей стоял на площадке с большим пакетом продуктов и выглядел так, будто просто задержался на работе. Он поздоровался, прошёл внутрь, снял обувь и спросил, где мать. Ольга посторонилась, чувствуя, как болезненно знакомо всё это выглядит, и только отсутствие сумки с рабочими вещами напоминало, что муж больше здесь не живёт.

Валентина Павловна обрадовалась сыну и сразу начала расспрашивать, где он теперь остановился, хорошо ли питается и не собирается ли заболеть из-за всех этих переживаний. Сергей сел возле неё, достал из пакета любимое печенье, фрукты и несколько небольших упаковок с дорогими сладостями. Ольга стояла в дверях и слушала, как он терпеливо отвечает матери, уверяет, что с ним всё в порядке, и обещает приезжать. Пожилая женщина несколько раз укорила сына за его решение, но каждый раз быстро переходила к беспокойству о его здоровье. Ольге хотелось услышать, что он хотя бы попросит прощения у матери за причинённые неудобства или сам предложит начать заниматься её дальнейшей жизнью. Вместо этого Сергей сообщил, что пока не стоит ничего менять, потому что все и без того слишком взволнованы.

Когда он вышел из комнаты, Ольга остановила его возле кухни. Она заранее приготовила несколько вопросов и даже повторяла их про себя, пока муж разговаривал с матерью, но теперь едва могла вспомнить, с чего собиралась начать. Сергей заметил её напряжённое лицо и сразу попросил не устраивать очередного выяснения отношений. Он сказал, что приехал навестить мать и хотел бы обойтись без новых неприятностей. Ольга почувствовала знакомое раздражение, однако отступать не собиралась.

— Ты вчера обещал, что начнёшь искать помощницу, — напомнила она, сложив руки на груди. — Я хочу понять, что конкретно ты собираешься делать. Твоя мама уже гораздо лучше себя чувствует, она может вернуться в свою квартиру. Нужно только организовать помощь с продуктами и домашними делами.

— Оля, прошли одни сутки, — ответил Сергей, недовольно глядя на неё. — Ты серьёзно думаешь, что я за это время должен был найти человека, всё организовать и перевезти маму? Я же просил дать мне несколько недель. Давай не будем превращать каждую встречу в проверку моих обещаний.

— Я просто хочу знать, что ты собираешься делать, — повторила она, чувствуя, как снова начинают дрожать губы. — Потому что вчера ты сказал только, что уезжаешь. А всё остальное, получается, остаётся мне. Даже объяснить твоей матери, почему ты ушёл, пришлось мне.

— Я же приехал и поговорил с ней, — Сергей развёл руками, словно не понимал причины недовольства. — Не надо делать вид, будто я исчез и бросил всех на произвол судьбы. Я буду помогать, как помогал раньше. Просто не требуй, чтобы все вопросы решились немедленно.

Ольга хотела спросить, в чём именно заключалась прежняя помощь, но Сергей уже направился к двери. Он пояснил, что договорился с Жанной поужинать и не хочет опаздывать,

а завтра на работе предстоит тяжёлый день. Услышав имя другой женщины, Ольга почувствовала, как всё внутри болезненно сжалось. Ещё неделю назад он точно так же говорил, что задержится из-за работы или встретится с коллегами, и она спокойно желала ему хорошего вечера. Теперь ей хотелось схватить его за рукав, заставить остаться и хотя бы посмотреть, что он сделал с их жизнью. Вместо этого она спросила, когда он приедет снова, и Сергей ответил, что обязательно сообщит, как только будет свободен.

После его ухода Ольга долго не могла заставить себя вернуться к работе. Она ходила из комнаты в комнату, поправляла вещи, перекладывала бумаги и несколько раз подходила к окну. Потом села за швейную машинку и попыталась закончить жакет, который заказчица должна была забрать через два дня. На столе лежали аккуратно разложенные детали, подкладка была почти готова, оставалось совсем немного работы, но Ольга никак не могла сосредоточиться. Она то вспоминала лицо мужа, когда он рассказывал матери о своём новом жилье, то представляла его за чужим ужином рядом с Жанной. В конце концов игла зацепила ткань, нитка оборвалась, и Ольга с такой злостью отодвинула машинку, что та едва не съехала с края стола.

К пятнице заказ всё-таки удалось закончить, но прежнего удовлетворения от работы она не почувствовала. Заказчица приехала вечером, примерила жакет, несколько раз похвалила аккуратную посадку и спросила, не собирается ли Ольга снова открыть ателье. Та привычно ответила, что пока не может надолго отлучаться из дома из-за свекрови, хотя после вчерашнего разговора эта фраза показалась ей особенно неприятной. Женщина расплатилась, поблагодарила и пообещала рекомендовать её знакомым. Ольга проводила её до двери, затем вернулась к столу, пересчитала деньги и убрала в конверт, который держала в нижнем ящике. Там лежали небольшие накопления от домашних заказов, и она давно собиралась потратить часть суммы на ремонт старой машинки. Теперь ей вдруг захотелось оставить деньги нетронутыми, хотя она ещё не могла объяснить самой себе почему.

В последующие дни Ольга всё чаще ловила себя на том, что продолжает жить по расписанию мужа. Просыпалась к тому времени, когда он обычно собирался на работу, готовила привычное количество еды и иногда даже доставала из шкафа его любимую кружку. Вечером она машинально прислушивалась к лифту, особенно около семи часов, когда Сергей чаще всего возвращался домой. Несколько раз ей казалось, что кто-то остановился возле двери и сейчас начнёт искать ключи, но шаги проходили мимо. Она ругала себя за эти ожидания, пыталась отвлечься работой и всё равно невольно смотрела на часы. Однажды сварила большую кастрюлю борща, а потом вспомнила, что Валентина Павловна не любит его есть два дня подряд, и расплакалась прямо перед открытым холодильником.

Сергею она писала почти каждый вечер. Иногда спрашивала, как он мог обманывать её несколько месяцев, иногда напоминала о прожитых годах, а порой просто сообщала, что плохо спит и совершенно не знает, как привыкнуть к случившемуся. Несколько длинных сообщений она так и не отправила, потому что боялась выглядеть жалкой, но те, которые всё-таки уходили, почти всегда оставались без содержательного ответа. Сергей писал, что они уже поговорили, что решение принято и возвращаться к одному и тому же бессмысленно. Однажды Ольга спросила, вспоминает ли он хотя бы иногда их прежнюю жизнь, и получила ответ только на следующий день. Муж сообщил, что занят на работе, а затем добавил, что не собирается снова обсуждать чувства, которые давно прошли.

Особенно тяжело оказалось обнаружить, как много привычных мелочей напоминало о нём. В ванной остался почти полный флакон шампуня, которым Сергей пользовался много лет, в кухонном ящике лежала открывалка, купленная им в отпуске, а в коридоре висела семейная фотография с прошлогоднего праздника. Ольга несколько раз собиралась убрать её, но всякий раз откладывала. На снимке Сергей стоял рядом, обнимал жену за плечи и улыбался, а дети расположились с другой стороны, тесно прижавшись друг к другу. Тогда Ольга была

недовольна, что фотографировать начали слишком рано, когда она ещё не успела поправить волосы, и Сергей смеялся над её суетой. Теперь ей хотелось спросить, был ли он действительно счастлив в тот день или уже тогда представлял рядом с собой кого-нибудь другого.

Через неделю после ухода Сергея позвонила Дарья. Ольга обрадовалась звонку так сильно, что едва не уронила телефон, и сразу принялась спрашивать, как дела у дочери, не заболела ли та и всё ли хорошо с Игорем. Дарья ответила, что у них всё нормально, после чего попросила помочь с платьем. В субботу они собирались на день рождения к друзьям, а вещь, которую она хотела надеть, оказалась слишком длинной. Ольга согласилась без раздумий и предложила дочери приехать вечером, чтобы вместе посмотреть, как лучше подшить подол. Ей хотелось угостить Дарью пирогом, рассказать о новой заказчице и, возможно, наконец поговорить о том, что произошло за семейным ужином.

— Мам, я сегодня не смогу, — ответила Дарья, услышав приглашение. — У нас с Игорем планы, мы уже договорились. Я завтра после работы заеду, оставлю платье, а ты посмотришь? Мне главное, чтобы к субботе было готово.

— Конечно, посмотрю, — поспешно ответила Ольга. — Только ты хоть ненадолго останься, ладно? Я тебя толком не видела после того вечера. Можем просто чай попить, я пирог сделаю. Мне так хочется с тобой посидеть.

— Мам, давай не будем опять об этом, — настороженно произнесла дочь. — Я ведь звоню нормально, а ты сразу начинаешь. У меня и так дел много, я не могу каждый раз приезжать на несколько часов. Завтра посмотрим, сколько времени будет.

Ольга поспешила заверить, что не собирается ничего выяснять, и даже начала рассказывать о погоде, лишь бы Дарья не закончила разговор. Дочь ответила на несколько вопросов, затем сослалась на работу и попрощалась. После звонка Ольга ещё некоторое время держала телефон в руках, пытаясь понять, что именно сказала не так. Она ведь не просила Дарью выбирать между родителями, не требовала ругать отца и даже не упоминала Жанну. Ей просто хотелось увидеть дочь и хотя бы час провести с ней без неприятного напряжения. Однако теперь она боялась лишний раз позвонить, потому что любое проявление её тоски могли принять за очередную попытку испортить всем настроение.

На следующий день Дарья действительно заехала с платьем. Ольга к её приходу испекла небольшие булочки, достала любимые дочерью чашки и заранее освободила стол, чтобы можно было спокойно разложить вещь. Дарья появилась около семи, быстро сняла пальто и сразу достала из сумки платье, объясняя, насколько нужно укоротить подол. Ольга предложила примерить его, поставила дочь перед большим зеркалом и принялась прикалывать ткань булавками. Несколько минут они разговаривали почти как раньше: Дарья рассказывала о предстоящем празднике, Ольга советовала, с какой обувью лучше надеть платье, и даже пошутила, что дочь до сих пор не научилась заранее проверять длину купленных вещей. Дарья рассмеялась, но затем посмотрела на часы и сказала, что ей скоро пора.

— Подожди, Даш, я же чай приготовила, — попросила Ольга, снимая последнюю булавку. — Ну посиди хотя бы двадцать минут. Булочки ещё тёплые, ты такие любишь.

— Мам, правда не могу, — ответила Дарья, поправляя волосы. — Игорь меня ждёт, мы ещё в магазин собирались. Давай в другой раз, хорошо? Ты только платье к пятнице сделай, пожалуйста, а то я потом совсем не успею.

Ольга проводила её на кухню хотя бы за стаканом воды, но дочь остановилась возле стола и неожиданно спросила, как теперь обстоят дела с отцом. Вопрос прозвучал настолько осторожно, что Ольга сразу почувствовала прежнюю тревогу. Она ответила, что Сергей почти не звонит, к матери приезжает редко и никакого решения с постоянной помощью пока не предложил. Дарья вздохнула и сказала, что отец сейчас тоже переживает непростой период, поэтому от него не следует требовать слишком многого. Ольга поставила на стол чашку и посмотрела

на дочь, пытаясь понять, почему та неизменно начинает защищать Сергея ещё до того, как мать успевает высказать претензии.

— А ты с ним разговаривала после того вечера? — спросила Ольга. — Он тебе что-нибудь рассказывает? Как у него дела с этой женщиной?

— Разговаривала, конечно, — ответила Дарья, избегая подробностей. — Он говорит, что всё нормально. Мам, только не начинай, пожалуйста. Я не хочу быть человеком, через которого вы будете выяснять отношения. Мне и так неприятно, что всё это произошло.

— А мне, думаешь, приятно? — Ольга почувствовала, как голос начинает дрожать. — Ты хоть раз за эту неделю спросила, как я вообще живу? Я ночами не сплю, Даша. Сижу здесь, вспоминаю всё подряд и не понимаю, как он мог так спокойно уйти. А вы разговариваете со мной так, будто я должна поскорее перестать вам мешать.

Дарья заметно напряглась. Она объяснила, что прекрасно понимает материнскую обиду, но отец ещё до семейного разговора рассказывал детям о тяжёлой обстановке дома. По его словам, Ольга давно перестала интересоваться чем-либо, кроме домашних дел, постоянно была недовольна и сама отказалась от прежней работы, хотя никто не препятствовал ей заниматься любимым делом. Дарья призналась, что поначалу удивилась отцовскому решению, но потом вспомнила, как часто мать жаловалась на усталость, и решила, что родители действительно давно несчастливы. Ольга слушала её, чувствуя, как постепенно исчезает радость от недавней встречи.

— Он сказал, что я сама отказалась от ателье? — переспросила Ольга, не сразу поверив услышанному. — Даша, ты ведь помнишь, как заболела бабушка. Ты тогда уже замуж выходила, прекрасно всё видела. Он сам просил меня закрыть работу, потому что нужно было за ней ухаживать.

— Мам, я помню, — ответила Дарья, уже начиная раздражаться. — Но ведь прошло четыре года. Если бы ты действительно хотела, можно было что-нибудь придумать. Папа говорит, что предлагал тебе возвращаться к работе, а ты всё время находила причины остаться дома.

Ольга отступила от стола, словно дочь неожиданно толкнула её. Она прекрасно помнила эти разговоры, в которых Сергей действительно произносил слова о возвращении к работе, но каждый раз добавлял, что сначала нужно дождаться улучшения состояния матери, закончить очередной ремонт, накопить денег или пережить особенно напряжённый месяц. Постепенно она перестала напоминать о своих планах, потому что уставала от неизменного раздражения мужа. Теперь оказалось, что именно это молчание Сергей использовал как доказательство её нежелания работать. Ольга попыталась объяснить всё дочери, вспомнила несколько конкретных случаев, когда отказывалась от крупных заказов из-за обещаний мужа, но Дарья слушала всё менее внимательно.

— Дашенька, он же каждый раз говорил, что сейчас нельзя, — произнесла Ольга, едва сдерживая слёзы. — Я не сама придумала сидеть здесь четыре года. Ты думаешь, мне нравится целыми днями бегать из комнаты в комнату и шить по ночам? Я работала, у меня были заказчицы, помощница, своё место. Неужели ты совсем забыла?

— Мам, ну зачем ты опять всё сводишь к тому, кто виноват? — Дарья подняла с дивана сумку и начала складывать туда вещи. — Папа уже ушёл, прошлое всё равно не изменить. Может, тебе действительно стоит теперь заняться собой? Просто перестать жить его обидами и попробовать что-нибудь новое. Ты же сама говоришь, что устала.

— Я устала, потому что четыре года делала то, о чём вы теперь даже вспоминать не хотите! — воскликнула Ольга. — И ты сейчас повторяешь его слова, будто ничего сама не видела. Я тебя прошу просто поговорить со мной, а ты объясняешь, что я сама во всём виновата!

Дарья замолчала, затем медленно застегнула сумку и сказала, что не собирается продолжать ссору. Она напомнила, что приехала за помощью с платьем, а вместо спокойного вечера опять вынуждена выслушивать обвинения в адрес отца. Ольга попыталась удержать её, попросила хотя бы не уходить так, но дочь уже направилась к двери. В прихожей Дарья обернулась и сказала, что любит мать, однако не хочет каждый раз чувствовать себя виноватой за решение взрослых людей. Ольга проводила её молча, а потом вернулась на кухню, где так и стояли приготовленные чашки. Булочки остыли, чайник давно выключился, и ей вдруг стало мучительно стыдно за собственное желание угостить дочь чем-нибудь вкусным, словно она пыталась купить несколько лишних минут её внимания.

Вечером Ольга всё-таки подшила платье. Она работала при включённой настольной лампе, несколько раз распарывала строчку, потому что от слёз плохо видела ткань, и злилась на себя за эту беспомощность. Ей хотелось позвонить Дарье и сказать, что больше не станет выполнять её просьбы, пока дочь не научится разговаривать с матерью уважительно. Однако стоило представить, как та обидится и перестанет приезжать совсем, решимость исчезала. Ольга закончила работу почти к полуночи, аккуратно выгладила подол и повесила платье на дверцу шкафа. Потом написала дочери, что всё готово, и добавила несколько слов с просьбой не сердиться. Дарья ответила коротким сообщением с благодарностью, пообещав забрать вещь в пятницу, и больше в тот вечер ничего не написала.

Через два дня появился Никита. Он заранее не звонил, просто сообщил, что находится возле дома и скоро поднимется, а уже в прихожей вспомнил, что хотел попросить мать посмотреть брюки. На работе у него через неделю намечалось важное мероприятие, и он обнаружил, что на любимых брюках разошёлся шов. Ольга обрадовалась сыну, забрала вещь и сразу предложила поужинать, потому что как раз приготовила котлеты. Никита согласился, прошёл в комнату к бабушке и минут двадцать терпеливо разбирался с её телефоном. Валентина Павловна после этого долго хвалила внука, уверяя, что без него совершенно не смогла бы пользоваться новым устройством, хотя телефон был тем же самым, просто случайно изменились настройки.

За ужином Никита рассказывал о работе, о начальнике, который неожиданно перенёс встречу, и о приятеле, собиравшемся покупать машину. Ольга слушала с удовольствием, задавала вопросы и несколько раз подкладывала ему котлеты. Сын смеялся, говорил, что уже наелся, и просил не превращать каждый его приезд в семейное застолье. Они почти не вспоминали Сергея, пока Никита сам не спросил, как теперь обстоят дела у отца с бабушкой. Ольга ответила, что отец приезжал несколько раз, приносил продукты, но с организацией постоянной помощи ничего не изменилось. Сын пообещал при необходимости приезжать чаще, хотя сразу уточнил, что в ближайшие выходные у него уже назначена встреча с друзьями.

— Никит, я же не прошу тебя каждый день здесь сидеть, — сказала Ольга, убирая пустую тарелку. — Мне просто нужно, чтобы вы с отцом наконец договорились. Я хочу хотя бы иногда выходить из дома, брать нормальные заказы. Мне ведь ещё работать надо, пока руки и глаза позволяют.

— Мам, так работай, — ответил Никита, искренне не понимая, в чём состоит главное затруднение. — Ты же дома всё равно. Можешь шить, пока бабушка отдыхает. А когда нужно куда-нибудь уйти, просто предупреди заранее, мы что-нибудь придумаем.

Ольга остановилась возле раковины и повернулась к сыну. Он говорил совершенно спокойно, с добрым намерением помочь, но именно поэтому его слова прозвучали особенно неприятно. Для Никиты домашняя работа по-прежнему оставалась чем-то, что можно выполнить между остальными занятиями, а постоянное присутствие возле бабушки не считалось ограничением, поскольку мать всё равно находилась в квартире. Ольга спросила, понимает ли он, почему ей пришлось отказаться от ателье, где невозможно было просто бросить заказчицу

посреди примерки. Никита пожал плечами и признался, что никогда особенно не задумывался об этом.

— Папа говорил, что ты сама не хотела возвращаться, — добавил он после небольшой паузы. — Ну, что тебе дома удобнее, здесь всё своё, да и бабушка привыкла. Я не знаю, мам. Вы же взрослые люди, сами всё решали.

— Конечно, взрослые, — ответила Ольга, почувствовав знакомую обиду. — Только почему-то все решения заканчивались тем, что я оставалась здесь. Когда у бабушки была тяжёлая болезнь, я сама согласилась помогать, потому что иначе было нельзя. Но ведь сейчас ей лучше. Она ходит, сама чай делает, может спокойно посидеть без меня несколько часов. Почему мы до сих пор живём так, будто ничего не изменилось?

Никита не нашёлся с ответом. Он сказал, что поговорит с отцом, предложит распределить обязанности и постарается иногда приезжать в будни. Ольга поблагодарила его, хотя прекрасно понимала, насколько неопределёнными остаются эти обещания. Потом они вместе посмотрели брюки, и она объяснила, что шов можно восстановить за несколько минут. Никита обрадовался, поцеловал мать в щёку и сообщил, что ему пора, поскольку приятель уже ждёт неподалёку. Ольга хотела попросить его посидеть ещё немного, но удержалась. Она проводила сына до двери, пообещала написать, когда брюки будут готовы, и долго стояла в прихожей после того, как лифт увёз его вниз.

К середине второй недели Ольга начала замечать, насколько Валентина Павловна привыкла к постоянному присутствию невестки. Однажды утром свекровь позвала её из комнаты и попросила принести стакан воды, хотя кувшин стоял на тумбочке возле кровати. В другой раз потребовала найти очки, которые лежали на раскрытой книге, а затем пожаловалась, что Ольга слишком долго не откликалась. Сначала невестка выполняла просьбы без возражений, но после очередного прерванного заказа вдруг не выдержала и спросила, почему Валентина Павловна сама не взяла воду. Пожилая женщина удивилась, ответила, что просто привыкла просить, и некоторое время смотрела на Ольгу с плохо скрываемой обидой.

Позднее, когда Ольга вышла на кухню, она обнаружила, что свекровь самостоятельно приготовила себе чай. Валентина Павловна стояла возле стола, уверенно намазывала масло на хлеб и даже достала из холодильника баночку варенья, которую Ольга давно переставила повыше. Увидев невестку, она спросила, почему та смотрит так удивлённо, и напомнила, что прекрасно умеет обслуживать себя в простых вещах. Ольга рассмеялась от неожиданности, потом помогла убрать тяжёлый чайник и села рядом. Несколько минут они разговаривали вполне спокойно, вспоминая, как свекровь раньше сама пекла пироги и любила приглашать соседок. Ольга осторожно напомнила о её собственной квартире, где сохранились любимые вещи, мебель и фотографии покойного мужа, но Валентина Павловна сразу насторожилась.

— Ты опять хочешь меня туда отправить? — спросила она, перестав размешивать сахар. — Я же говорила, что одной мне страшно. Здесь хоть кто-то постоянно рядом, а там кто будет? Серёжа теперь вообще неизвестно где живёт.

— Я не собираюсь вас никуда отправлять одну, — ответила Ольга, стараясь не повышать голос. — Можно найти женщину, которая будет приходить помогать с домашними делами, а Сергей и дети смогут навещать вас. Вы ведь сами постоянно вспоминаете свою квартиру, говорите, что скучаете по прежней кухне и соседкам.

— Одно дело вспоминать, другое — жить, — возразила свекровь, отодвигая чашку. — Здесь я хотя бы знаю, что ты рядом. Если ночью плохо станет или что-нибудь понадобится, всегда можно позвать. А там кто мне поможет? Чужой человек за деньги? Не думала я, что после стольких лет придётся об этом разговаривать.

Ольга хотела напомнить, что именно ради помощи свекрови отказалась от привычной жизни, но промолчала. Она понимала её страх и помнила, как тяжело проходили первые месяцы после болезни, когда Валентина Павловна действительно не могла оставаться одна.

Тогда невестка просыпалась по нескольку раз за ночь, помогала ей подниматься, готовила особую еду и радовалась каждому небольшому улучшению. Но теперь пожилая женщина могла свободно пройти по квартире, выбрать себе одежду, приготовить простой завтрак и даже самостоятельно позвонить сыну, если что-нибудь требовалось. Ольга всё чаще замечала эту разницу, хотя ещё недавно сама не решалась говорить о ней вслух. Она пообещала свекрови, что никаких перемен без предварительной подготовки не будет, и отправилась заканчивать работу, чувствуя, что разговор только прибавил обеим беспокойства.

Сергей появился в субботу ближе к обеду, снова с большим пакетом продуктов. Он принёс матери виноград, печенье, дорогой чай и несколько банок любимого варенья, после чего долго расспрашивал её о самочувствии. Валентина Павловна радовалась каждому гостинцу, рассказывала сыну о погоде, о телефонных разговорах с родственниками и о том, как Никита недавно помог разобраться с настройками. Ольга тем временем готовила обед и слышала из комнаты, как свекровь жалуется, что невестка стала раздражительной и несколько раз говорила о возвращении в собственную квартиру. Сергей обещал обязательно поговорить с Ольгой и заверял мать, что никто не собирается принимать необдуманных решений.

Когда он вошёл на кухню, Ольга как раз доставала из духовки запеканку. Сергей заглянул в холодильник, увидел несколько контейнеров с готовой едой и спросил, зачем она столько приготовила. Ольга ответила, что часть предназначается свекрови на завтра, а остальное она собиралась оставить себе, поскольку хотела наконец закончить два заказа без постоянных перерывов. Муж одобрительно кивнул, заметил, что всё у неё организовано как надо, и достал телефон, чтобы проверить сообщения. Ольга смотрела на него, чувствуя, как постепенно возвращается раздражение, которое она весь день старалась подавлять.

— Ты поговорил с кем-нибудь насчёт помощницы? — спросила она, выключая духовку. — Уже почти две недели прошло, Сергей. Я хочу хотя бы понимать, когда мы сможем что-нибудь изменить.

— Оля, ты опять за своё? — муж оторвался от телефона и посмотрел на неё с усталым выражением. — Я же обещал, что займусь этим. Сейчас работы много, да и с переездом до конца ещё не разобрался. Зачем ты каждый раз начинаешь с одного и того же?

— Потому что ничего не меняется, — ответила она, ставя форму на подставку. — Ты приезжаешь на полчаса, привозишь продукты, а потом уезжаешь. Я продолжаю делать всё остальное. Разве это нормально, что ты устроил себе новую жизнь, а я до сих пор должна заниматься твоей матерью так, будто мы по-прежнему муж и жена?

Сергей положил телефон на стол и несколько секунд внимательно смотрел на неё. Потом сказал, что Ольга совершенно напрасно противопоставляет заботу о пожилой женщине их личным отношениям. По его мнению, Валентина Павловна ни в чём не виновата, а её привычки нельзя менять только потому, что бывшие супруги больше не живут вместе. Он напомнил, что продолжает покупать продукты, готов помогать деньгами и всегда отвечает, если происходит что-нибудь серьёзное. Ольга возразила, что продукты и деньги не заменяют её времени, но муж только недовольно поморщился.

— Послушай, платить посторонней женщине каждый день, пока ты сама здесь находишься, совершенно бессмысленно, — объяснил он, уже явно теряя терпение. — Ты же всё равно дома, Оля. Никто не требует, чтобы ты бросала работу. Шей себе спокойно, занимайся своими делами. Мама большую часть времени отдыхает, ты прекрасно это знаешь.

— Я дома, потому что четыре года назад ты сам попросил меня закрыть ателье, — произнесла Ольга, чувствуя, как дрожат руки. — И теперь ты опять используешь это как причину ничего не менять. Если я всё равно дома, значит, мне не нужно помогать, потому что моя работа ничего не стоит?

— Не надо передёргивать мои слова, — раздражённо ответил Сергей. — Я прекрасно знаю, что ты работаешь. Просто ты сама себе противоречишь: то говоришь, что мама уже само-

стоятельная, то жалуешься, будто не можешь отойти от неё ни на минуту. Определись сначала, чего ты хочешь.

Ольга сжала край полотенца и несколько секунд молчала, стараясь удержаться от крика. Она хотела объяснить, что дело не только в возможности отойти на несколько часов, но и в постоянной необходимости учитывать чужие желания, откладывать собственные планы и быть доступной в любой момент. Однако Сергей уже смотрел на часы и говорил, что ему скоро пора. Ольга спросила, почему нельзя хотя бы сейчас договориться о нескольких конкретных днях, когда он сам будет приезжать к матери, но муж ответил, что пока не знает своего расписания. Он добавил, что Жанна тоже работает, устаёт и имеет право рассчитывать на его участие в их совместной жизни. После этих слов Ольга почувствовала такое сильное возмущение, что едва не выронила полотенце из рук.

— Значит, её время важно, — сказала она, уже не пытаясь скрывать злость. — Она работает, устаёт, хочет видеть тебя дома. А я, по-твоему, просто сижу здесь целыми днями и жду, когда кому-нибудь понадоблюсь? Ты вообще слышишь, что говоришь, Сергей?

— Вот поэтому с тобой и невозможно разговаривать, — ответил он, поднимаясь из-за стола. — Я пытаюсь объяснить обычные вещи, а ты всё превращаешь в обвинения. Мама здесь живёт четыре года, ты к этому привыкла, у вас всё устроено. Неужели нельзя хотя бы немного подождать, пока я разберусь со своими делами?

Ольга отвернулась к раковине, потому что почувствовала, как глаза наполняются слезами. Ей хотелось спросить, почему за последние четыре года Сергей ни разу не счёл её работу и желания достаточно важными, чтобы ради них пересмотреть привычный порядок. Но муж уже вышел из кухни, попрощался с матерью и начал обуваться. Ольга услышала его голос из прихожей, где он ещё раз пообещал Валентине Павловне приехать на следующей неделе. Потом хлопнула входная дверь, и квартира снова погрузилась в привычную тишину. Ольга вернулась к столу, посмотрела на почти готовый обед и почувствовала, что совершенно не хочет есть.

Вечером Сергей отправил ей голосовое сообщение. Он напомнил, что мать жаловалась на неудобную подушку, попросил купить подходящую, если Ольга будет в магазине, и добавил, что нужно проверить, не закончились ли привычные продукты. Затем сказал, что не хотел бы снова выслушивать обвинения всякий раз, когда приезжает навестить мать, и предложил вернуться к разговору о помощнице позднее. Последние слова прозвучали особенно раздражённо: он просил перезвонить, когда Ольга успокоится, потому что сейчас у него нет желания продолжать бессмысленные споры. Она прослушала сообщение дважды, затем открыла переписку и начала писать ответ, в котором подробно перечисляла всё, что делала для Валентины Павловны за последние годы.

Получилось почти целое письмо. Ольга вспомнила тяжёлые месяцы после болезни свекрови, ночные подъёмы, отказ от аренды помещения, проданное оборудование, потерянных заказчиц и постоянные обещания Сергея найти другое решение. Она написала, что не отказывается помогать пожилой женщине, но больше не может позволить ему распоряжаться её жизнью. Потом перечитала написанное, представила, как муж устало закатывает глаза, и стёрла половину. В конце концов оставила только просьбу назвать конкретный день, когда они смогут обсудить дальнейший уход. Сергей ответил уже на следующее утро, сообщив, что на этой неделе очень занят и не собирается снова спорить на прежнюю тему.

За следующими днями Ольга почти перестала следить. Она выполняла домашние дела, работала над заказами, выходила за продуктами и всякий раз откладывала телефон поближе, чтобы не пропустить возможный звонок детей. Дарья несколько раз присылала короткие сообщения, спрашивая, как продвигается платье и не осталось ли у матери времени помочь с другими вещами. Ольга отвечала подробно, пыталась завязать обычный разговор, но дочь чаще всего ограничивалась несколькими словами. Однажды Дарья попросила принять доставку, которую не успевала встретить дома, и Ольга согласилась, хотя ради этого пришлось перенести

встречу с заказчицей. Она несколько часов ждала курьера, потом позвонила дочери и сообщила, что всё получила, надеясь, что та предложит вечером заехать хотя бы ненадолго.

Дарья поблагодарила и сказала, что заберёт вещи в ближайшие дни. Ольга осторожно спросила, не хочет ли дочь приехать пораньше, чтобы они могли вместе поужинать, но услышала привычное объяснение о занятости. Когда та всё-таки появилась, оказалось, что времени у неё совсем мало: Игорь ждал в машине, и Дарья попросила помочь донести коробку до лифта. Ольга выполнила просьбу, поцеловала дочь в щёку и проводила её взглядом, пока двери лифта не закрылись. Вернувшись в квартиру, она обнаружила на столе приготовленные для Дарьи булочки, которые даже не успела предложить. Ольга села рядом, съела одну, почти не ощущая вкуса, а остальные убрала в пакет, чтобы они не засохли.

Никита тоже появился ненадолго, чтобы забрать отремонтированные брюки. Он принёс матери шоколадку, похвалил аккуратный шов и спросил, не требуется ли чего-нибудь бабушке. Ольга предложила ему остаться на ужин, но сын объяснил, что уже договорился встретиться с приятелями. Она попыталась спросить, разговаривал ли он с отцом о помощи Валентине Павловне, и Никита ответил, что упоминал об этом, но Сергей пока ничего конкретного не сказал. Ольга начала возмущаться, однако сын поспешно попросил не втягивать его снова в родительскую ссору. Он пообещал, что обязательно поможет, когда возникнет необходимость, и ушёл, оставив мать с чувством, что она опять испортила обычную встречу своими разговорами.

Особенно тяжёлым оказался вечер, когда Ольга случайно увидела новую фотографию Сергея. Снимок появился в семейной переписке, куда Никита по ошибке отправил несколько кадров с прогулки, а затем почти сразу удалил. Ольга успела заметить мужа за столиком в кафе рядом с незнакомой женщиной, от которой была видна только часть светлых волос и рука, лежавшая на столе. Сергей выглядел довольным и расслабленным, улыбался так широко, как дома не улыбался уже давно. Ольга долго смотрела на пустое место, где ещё несколько секунд назад была фотография, потом написала сыну, спрашивая, кто эта женщина. Никита ответил, что снимок отправил случайно и не хотел её расстраивать, а когда мать продолжила спрашивать, попросил не делать из этого очередную проблему.

Она почти не спала всю ночь. Ей представлялся Сергей в кафе, за чужим столом, рядом с женщиной, которая, наверное, знала его совсем другим. Ольга вспоминала последние месяцы совместной жизни и теперь находила объяснение каждому странному поступку мужа. Он действительно стал чаще задерживаться, придирчивее относился к одежде, начал пользоваться новым одеколоном и несколько раз отказывался от совместных выходных, ссылаясь на усталость. Тогда она думала, что у него неприятности на работе, старалась лишний раз не беспокоить и даже уговаривала взять несколько свободных дней. Теперь эти воспоминания вызывали такую злость, что Ольга несколько раз вскакивала с кровати, ходила по комнате и снова ложилась, не находя себе места.

Утром она позвонила Сергею, не выдержав желания услышать его голос. Муж ответил после нескольких гудков и сразу спросил, не произошло ли чего-нибудь с матерью. Ольга сказала, что Валентина Павловна чувствует себя нормально, и попросила объяснить, как он может спокойно ходить по кафе с любовницей, когда она здесь почти каждую ночь плачет. Сергей тяжело вздохнул, напомнил о разводе и сказал, что не обязан теперь отчитываться о каждом своём вечере. Ольга начала перечислять всё, что вспомнила за ночь, спрашивала о прежних задержках на работе и о том, когда именно появилась Жанна. Муж несколько раз пытался её перебить, затем заявил, что такие разговоры только подтверждают правильность его решения.

— Ты хотя бы понимаешь, что мне больно? — спросила Ольга, стоя возле окна с телефоном в руке. — Я ведь не чужой тебе человек, Серёжа. Мы тридцать лет вместе прожили. Неужели ты совсем ничего не чувствуешь, когда слышишь, как я плачу?

— Оля, мне неприятно, что ты переживаешь, — ответил Сергей уже заметно раздражённым голосом. — Но я не собираюсь возвращаться только потому, что тебе тяжело привыкнуть.

Я честно сказал, что наши отношения закончились. Ты сейчас сама себе делаешь хуже, постоянно возвращаясь к одним и тем же вопросам.

— Ты честно сказал после нескольких месяцев обмана! — воскликнула она. — И теперь ещё учишь меня, как правильно переживать твой уход. Ты хоть раз подумал, что мне делать после всего этого?

— Я думаю об этом больше, чем тебе кажется, — отрезал Сергей. — Именно поэтому и стараюсь решить вопросы с мамой, чтобы у тебя стало больше свободного времени. Но если ты будешь устраивать такие разговоры каждый день, нам вообще не удастся ни о чём договориться.

После этих слов он завершил звонок. Ольга ещё несколько секунд держала телефон возле уха, потом медленно опустила руку и села на диван. Ей хотелось немедленно перезвонить, сказать, что он не имеет права бросать трубку посреди разговора, но она понимала, что услышит очередную просьбу успокоиться. Через некоторое время пришло голосовое сообщение, в котором Сергей повторил, что не собирается обсуждать отношения с Жанной, попросил не втягивать детей и предложил связаться с ним, когда речь пойдёт о действительно необходимых делах. Ольга прослушала его, выключила звук на телефоне и впервые за всё утро сумела заставить себя вернуться к работе.

К концу марта она стала замечать, что больше всего боится вечерних часов. Днём всегда находились дела: свекровь просила сходить в магазин, нужно было приготовить обед, закончить заказ, убраться или ответить заказчице. Но после ужина Валентина Павловна уходила к себе смотреть телевизор, рабочие принадлежности приходилось убирать со стола, и квартира становилась слишком тихой. Ольга иногда включала телевизор просто ради человеческих голосов, но почти не следила за передачами. Несколько раз она доставала старые альбомы, рассматривала фотографии детей, вспоминала поездки, праздники, первые годы брака, а затем закрывала всё обратно, потому что не могла удержаться от слёз. Ей хотелось позвонить подруге, однако рассказывать о случившемся было мучительно стыдно, словно уход Сергея свидетельствовал о каком-то её личном поражении.

Однажды вечером Валентина Павловна сама вышла к ней в большую комнату. Она принесла чашку чая, поставила рядом с машинкой и спросила, почему Ольга опять работает допоздна. Невестка ответила, что заказ нужно закончить к выходным, и принялась убирать обрезки ткани, чтобы освободить свекрови место. Валентина Павловна присела возле стола, немного помолчала и неожиданно сказала, что сегодня разговаривала с Сергеем. Сын пообещал приехать в воскресенье и привезти продукты, а ещё попросил её не переживать из-за временных семейных неприятностей. Ольга почувствовала, как внутри всё напряглось, но постаралась ответить спокойно.

— Он вам ничего не сказал насчёт помощницы? — спросила она, откладывая ножницы. — Мы ведь уже несколько раз об этом говорили. Я хочу постепенно возвращаться к нормальной работе, а для этого нужно заранее понимать, кто будет помогать вам с домашними делами.

— Серёжа сказал, что ты опять на него сердишься, — ответила Валентина Павловна, внимательно разглядывая невестку. — Говорит, никак не можешь успокоиться. Я ему объяснила, что ты сейчас сильно переживаешь и нужно дать тебе время. Но ты тоже пойми, у него новая жизнь начинается, столько всего устроить надо.

Ольга резко повернулась к свекрови. Она даже не сразу поняла, что именно её возмутило сильнее: привычная защита сына или спокойная уверенность пожилой женщины, что ему сейчас действительно труднее, чем оставленной жене. Валентина Павловна продолжала рассказывать, что Сергей много работает, устаёт и старается всем помочь, хотя сам оказался в непростом положении. Ольга слушала, чувствуя, как знакомая усталость сменяется раздражением, и наконец попросила свекровь больше не пересказывать ей разговоры сына о новой жизни.

Валентина Павловна обиделась, заметила, что хотела только поддержать невестку, и ушла к себе, оставив чай нетронутым.

Позднее Ольга всё-таки постучала в её дверь и спросила, не нужно ли помочь приготовиться ко сну. Свекровь ответила, что справится самостоятельно, но через несколько минут всё равно позвала поправить одеяло и принести очки с комода. Ольга выполнила просьбы, не желая продолжать неприятный разговор, и вернулась к машинке. Она понимала, что Валентина Павловна действительно привязана к ней и боится потерять привычную поддержку, но теперь всё чаще замечала, как редко пожилая женщина спрашивает о её собственных чувствах. Сергей мог приехать на полчаса, привезти варенье и получить благодарность за заботу, тогда как Ольга оставалась рядом каждый день и выслушивала упрёки, стоило ей попросить немного свободного времени.

В последнюю пятницу марта Дарья позвонила неожиданно рано, когда Ольга ещё заканчивала утренние дела. Голос дочери звучал заметно приветливее обычного, и мать сразу почувствовала облегчение. Дарья спросила, как поживает бабушка, закончены ли заказы и не слишком ли Ольга устала за неделю. Потом рассказала, что они с Игорем в воскресенье собираются приготовить хороший обед и пригласить близких. Ольга сначала удивилась, потому что после последней ссоры дочь почти не предлагала встречаться без конкретного повода, но затем обрадовалась и даже поспешила спросить, не нужно ли что-нибудь принести.

— Мам, ничего готовить не надо, — ответила Дарья, и Ольга услышала в её голосе улыбку. — Мы сами всё сделаем. Ты просто приезжай часам к двум, посидим нормально, поговорим. А то мы в последнее время только ссоримся, мне самой уже надоело.

— Я с удовольствием приеду, Дашенька, — Ольга присела на край дивана и почувствовала, как на глазах появляются слёзы. — Мне так хочется с вами увидеться. Я ведь понимаю, что тоже много лишнего говорю, когда расстраиваюсь. Только вы не сердитесь на меня, пожалуйста. Мне сейчас правда тяжело.

— Мам, ну всё, не начинай плакать, — попросила Дарья, но на этот раз без прежнего раздражения. — Мы же нормально разговариваем. Приедешь, пообедаем, может, потом чай попьём. Игорь тоже будет, Никита обещал заглянуть. Давай просто проведём воскресенье без неприятных разговоров, хорошо?

Ольга согласилась, пообещала заранее договориться о помощи Валентине Павловне и спросила, что всё-таки принести к столу. Дарья ещё раз ответила, что ничего не нужно, после чего ненадолго замолчала, словно собиралась добавить что-то важное. Ольга подождала, но дочь только уточнила, сможет ли мать приехать вовремя, и попросила не задерживаться. Они попрощались гораздо теплее, чем в последние недели, и Ольга ещё некоторое время сидела с телефоном в руках, улыбаясь сквозь слёзы. Ей хотелось верить, что Дарья тоже устала от недомолвок и теперь сама решила сделать первый шаг.

Весь оставшийся день Ольга чувствовала себя немного лучше. Она закончила работу раньше запланированного, сходила в магазин и купила яблоки, потому что всё-таки решила испечь к воскресенью небольшой пирог. Потом позвонила знакомой, которая иногда помогала пожилым соседям, и спросила, сможет ли та провести несколько часов с Валентиной Павловной. Женщина обещала уточнить свои планы, а Ольга уже начала прикидывать, какие вещи надеть к дочери. Ей хотелось выглядеть хорошо, чтобы Дарья увидела не только заплаканную, постоянно обиженную мать, какой привыкла видеть её после ухода Сергея. Она даже достала из шкафа светлую блузку, которую давно не надевала, примерила перед зеркалом и решила, что обязательно приведёт волосы в порядок.

Дарья между тем несколько раз перечитывала переписку с матерью, прежде чем окончательно отложить телефон. Она прекрасно знала, что в воскресенье за их столом будет не только Игорь и Никита, но и Сергей с Жанной, которых сама пригласила несколькими днями раньше. Дочь рассчитывала, что присутствие всех сразу поможет наконец прекратить семейные ссоры

и родители постепенно привыкнут к новым обстоятельствам. Она понимала, что Ольга вряд ли согласится приехать, если заранее узнает о приглашении Жанны, поэтому предпочла ничего не говорить. Решив, что за общим столом мать постарается вести себя спокойно, Дарья вернулась к собственным делам, а Ольга в это время уже готовила необходимые вещи для воскресного обеда и радовалась предстоящей встрече с детьми.

Глава 3. Он же нас не бросил

В воскресенье Ольга проснулась раньше будильника и некоторое время лежала, прислушиваясь к тихим звукам за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.